

ФАНТАСТИЧЕСКИЙ БОЕВИК НОВАЯ ЭРА

ДМИТРИЙ ДАШКО
АЛЕКСАНДР САМОЙЛОВ

ИНСПЕКТОР
ЛЕСТРЕЙД
РЫЖИЙ... ЧЕСТНЫЙ...
ИНСПЕКТОР

МОСКВА

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445
Д21

Серия «Фантастический боевик. Новая эра»

Выпуск 86

Иллюстрация на обложке *Сергея Курганова*

*Выпуск произведения без разрешения издательства
считается противоправным и преследуется по закону*

Дашко, Дмитрий Николаевич
Самойлов, Александр Альбертович

Д21 Инспектор Лестрейд. Рыжий... Честный... Инспектор: роман / Дмитрий Дашко, Александр Самойлов. — Москва: Издательство АСТ; Издательский дом «Ленинград», 2025. — 352 с. — (Фантастический боевик. Новая эра).

ISBN 978-5-17-179242-8

Бывший советский милиционер оказывается в теле инспектора Лестрейда. Да-да, того самого, которого мы так хорошо знаем по рассказам о Шерлоке Холмсе.

Трепещи, преступный мир Лондона, на схватку с тобой выходит матёрый опер, которому самые знаменитые сыщики даже в подмётки не годятся. Он никого не боится, не пасует перед любым вызовом, а самые сложные преступления щёлкает как орешки.

«Таймс» называет его лучшим в Скотланд-Ярде. На этот раз газета не врёт!

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

© Дмитрий Дашко, 2025
© Александр Самойлов, 2025
© ООО «Издательство АСТ», 2025

ISBN 978-5-17-179242-8

Пролог

*19 июня 1881 года, поместье лорда Эшкомба
(округ Уэст-Йоркшир)*

Дверь, ведущая в комнату малютки Констанции (хотя малюткой в доме её звали скорее по привычке — в прошлом месяце дочери лорда от первого брака исполнилось семнадцать, и она уже была помолвлена), с треском распахнулась.

Лорд Эшкомб — высокий, чуть полный мужчина в том возрасте, который принято считать расцветом мужских сил и возможностей, вылетел из комнаты дочери подобно пробке из бутылки шампанского, едва не сбив с ног горничную — Агнес Флайт.

Уже шесть поколений Флайтов не за страх, а за совесть прислуживали в этом доме, мужчины — в качестве дворецких и лакеев, а женщины — как горничные, портнихи и прачки, но никто и никогда прежде не видел представителя славного рода Эшкомба в таком раздрае чувств.

Как позже заявила Агнес на допросе: «На лорде Эшкомбе в тот миг лица не было».

Хлопнула ещё одна дверь, на сей раз в кабинете.

Хозяин поместья мог пропадать в нём сутками, особенно после той ужасной истории с пропажей и гибелью его младшего сына от второго брака Уильяма. Два года назад трёхмесячный Уилл —

любимец отца и матери, исчез из своей колыбельки, его нашли только на утро следующего дня, в саду, с перерезанным горлом.

Полиция, как всегда, показала себя только с худшей стороны.

Это был сущий кошмар для всех Эшкомбов.

Лорд буквально в один день поседел, его роскошная тёмная шевелюра приобрела пепельный оттенок, молодой ещё и некогда полный сил мужчина разом осунулся и постарел на добрый десяток лет.

Ещё более трагичные перемены стались с его супругой — матерью маленького Уилла. Несколько месяцев она не вставала с постели и не желала никого знать.

Два долгих года, которые могли показаться для Эшкомбов вечностью, семья зализывала раны, приходила в себя.

И тут — новый удар: тяжёлая болезнь Констанции, которая вдруг начала обильно кашлять кровью.

Консилиум лучших врачей Англии вынес вердикт, больше похожий на смертный приговор.

Отец категорически не пожелал в него верить, этим вечером он направился в опочивальню дочери, чтобы приободрить Констанцию и поднять дух. Всё-таки в ней текла благородная кровь Эшкомбов, и никто из них не сдавался ни при каких обстоятельствах.

В течение долгих часов за плотно закрытыми дверями комнаты шёл их разговор, после которого глава дома и выскочил мрачнее тучи.

Он заперся в своём кабинете, достал из бара бутылку любимого виски, плеснул на два пальца в стакан, выпил одним махом, а потом сел за письменный стол, положил перед собой несколько чистых листков бумаги, взял самое острое перо и, макнув кончик в чернильницу, принялся быстро писать каллиграфи-

ческим почерком, коим славились Эшкомбы. Письмо его предназначалось шеф-констеблю Лидса — третьего по населению города Англии и первого, что касается всего остального, в Уэст-Йоркшире.

Адресатом следующего письма стала редакция одной из газет.

Лорд снова налил себе виски — на сей раз щедро, до краёв, и одним махом отправил всю порцию в рот, даже не покривившись от отвращения.

Немного посидев, обхватив сильными руками седую голову, он принял самое важное и последнее в своей жизни решение.

Выдвинув ящичек стола, лорд Эшкомб достал тщательно смазанный револьвер, забил весь барабан патронами, поднёс дуло к виску и нажал на спусковой крючок.

23 июня 1881 года, кабинет шеф-констебля Лидса (округ Уэст-Йоркшир)

Только у себя на работе шеф-констебель Лидса — полковник Уилкинс мог предаться любимому пороку: курению трубки. Дома за его привычками с маниакальной тщательностью следила жена.

Начитавшись медицинских журналов, что днём и ночью трубили о вреде курения, она делала всё, чтобы из дома бесследно исчезал купленный в магазине братьев Коуп их фирменный табак *Cut Cavendish*, который так любили английские простолюдины (солдаты, моряки, портовые грузчики, разнорабочие) и... главный полицейский Лидса.

Лишь в своём кабинете Уилкинс снова чувствовал себя человеком, которому необязательно вести себя подобно мелкому воришке в лавке, вечно, как говорят в их среде, «быть на стрёме» и пугаться каждого звука.

Только сегодня даже табак был не в радость. Уилкинс выглядел на редкость озабоченным, и эта озабоченность портила всё удовольствие.

— Скажите, Итан, неужели ничего нельзя сделать? — спросил шеф-констебль.

— Что вы имеете в виду, сэр? — удивлённо поднял правую рассечённую бровь Итан Беллинг, его правая рука, суперинтендант полиции Лидса.

— Боже мой... Неужели непонятно?! Как-то побавить этот скандал, что ли... — задумчиво произнёс Уилкинс, пожёывая деревянный мундштук курительной трубки. — Сейчас он решительно не к месту.

— Боюсь, это просто невозможно, — вздохнул Беллинг. — Письмо лорда Эшкомба попало в газеты и вызвало там суший переполох. Те, кто ещё буквально два года назад втаптывал в грязь сержанта Лестрейда, вдруг заговорили о нём в восторженных тонах. Почитать «Дейли ньюс», так во всём Лидсе, да что там Лидс — далеко за его пределами! — никогда не было никого смышлёнее этого рыжего дурака!

— Тем не менее этот рыжий дурак оказался прав на все сто, когда заявил, что малолетнего сына лорда Эшкомба, как там его...

— Уильяма, — подсказал суперинтендант.

— Точно, малыша Билла... В общем, рыжий Лестрейд был прав и утёр нам всем нос, когда объявил, что пацана в порыве ревности зарезала его же сводная старшая сестрица.

— Констанция, сэр.

— Я помню, как её зовут, — нахмурился Уилкинс. — Два года назад Лестрейда заклевали и сам лорд, и пресса...

Беллинг хотел было добавить «и мы», но вовремя передумал, промолчав.

— Кто только не вытер ноги о сержанта, — продолжил шеф-констебль. — А лорд Эшкомб сделал всё, чтобы мы с позором выгнали Лестрейда.

Про детали можно было не упоминать. Беллинг был посвящён в происходившее. Лорд тогда подключил к делу все связи, а они у него были весьма обширные. С Уилкинсом приватно разговаривал большой чиновник из министерства. И разговор этот ещё сильнее закопал бедолагу Лестрейда.

— С другой стороны, нас можно понять: у Лестрейда не было никаких улик, только голословное утверждение, что убийца — Констанция, которая приревновала брата к родителям. Никто другой, по его мнению, не мог выкрасть ребёнка из его спальни и беспрепятственно вынести в сад, чтобы там прикончить... Он утверждал, что такая глубокая рана на горле должна была оставить следы на одежде убийцы, и, когда узнал, что какая-то из ночных рубашек Констанции исчезла, впал в такое неистовство, что велел арестовать девочку! — пустился в не самые приятные воспоминания Беллинг.

— Да уж... Лорд Эшкомб пришёл тогда в бешенство... А теперь, когда его собственная дочь на смертном одре призналась в убийстве брата, не нашёл ничего лучше, как отправить письмо нам и в газеты, а сам свёл счёты с жизнью, — мрачно резюмировал шеф-констебль. — Теперь пресса шумит, требует восстановления справедливости по отношению к Лестрейду.

— Но что мы можем сделать для него, сэр?

— Мы?! Если честно, мне не очень-то нужен в Лидсе какой-то сержант-зазнайка, будь он хоть и три тысячи раз прав! Ему же сразу сказали и вы, и я: Джордж, не лезьте в бутылку, не будьте таким принципиальным... Во всём, что с ним приключилось, виноват только он сам!

— Согласен, сэр! Только газетчики всё равно с нас не слезут! — осторожно заметил Беллинг. — Дело-то громкое и шумное... Под угрозой репутация полиции всего округа! Мы должны что-то предпринять, как-то загладить свою вину перед Лестрейдом, даже если эта вина мнимая...

— Пропади они пропадом эти грязные писаки! — вспыхнул как спичка и тут же успокоился Уилкинс. — К счастью, появилась отличная возможность сплавить Лестрейда с глаз долой и при этом восстановить наше честное имя!

— Что за решение, сэр?! Не будет ли наглостью с моей стороны узнать детали?

— Не будет, Итан! Считайте, хоть тут нам немного повезло.

— Даже так...

— Именно. Скотланд-Ярд очень заинтересовался нашим рыжим недотёпой. У полковника Хендерсона как раз образовалась вакансия инспектора в штатском, и он очень хочет забрать Лестрейда к себе, в Лондон. Обещает жалованье — целых сто двадцать фунтов в год...

Беллинг нервно сглотнул. Сто двадцать фунтов в год — хорошие деньги для полицейского. Даже для заместителя шефа-констебля в Лидсе.

— Кстати, а этот Лестрейд... Где он сейчас? — спросил шеф-констебль.

— Боюсь, что по-прежнему в психушке, сэр, — осторожно выдавил из себя Беллинг.

*2 июля 1881 года, Бедлам — Бетлемская
королевская больница (Лондон)*

— А у вас здесь неплохо, — простодушно протянул Беллинг, ёжась от сырости. — Ухоженный сад, клумбы, цветочки, газон подстрижен, птички поют...

И кажется, это единственное место во всём Лондоне, где нет проклятого тумана.

— Так вам у нас нравится? Хотите, обследую вас, и, кто знает — вдруг у вас появится возможность ещё долго наслаждаться пением здешних птиц и отсутствием тумана?

Беллинг вздрогнул.

— Доктор...

— Доктор психологии Чарльз Гиз, к вашим услугам, — склонил голову невысокий сухопарый джентльмен, облачённый в тёмный узкий сюртук. — Вы же — суперинтендант полиции Лидса Итан Беллинг... Мне успели доложить. И не принимайте близко к сердцу мои слова насчёт обследования... Мы оба — разумные люди и понимаем: это была шутка.

— Конечно-конечно, — произнёс Беллинг не самым уверенным тоном.

— Что привело в нашу обитель человека вашей профессии? Хотите, чтобы я вас проконсультировал? Ваши коллеги из Скотланд-Ярда и полиции Сити регулярно наносят мне подобного рода визиты.

— Быть может, в другой раз, — сказал Беллинг. — Вы ведь лечащий врач Джорджа Лестрейда?

— Если вам это сказали в больнице, значит, так оно и есть, — улыбнулся Гиз. — Кстати, Лестрейд тоже полицейский из Лидса... Кажется, сержант...

— Бывший сержант, — поправил Беллинг. — Я приехал сюда по поручению начальства. Оно хочет узнать, как идут дела у нашего бывшего коллеги...

— Похвально... Лучше поздно, чем никогда. Вы, кстати, далеко не единственный, кто интересуется Лестрейдом в последнее время. У меня было много гостей...

— Газетчики? — догадался Беллинг.

— Разумеется. Слетелись как стервятники!

— Что вы им сказали? — напрягся Беллинг.

— Только то, что и был должен... Сказал, что не имею права обсуждать пациентов. Врачебная этика... — гордо провозгласил Гиз.

— Приятно иметь дело с настоящим джентльменом...

— В первую очередь — с профессионалом!

— Верное замечание. А что скажете мне?

— Только то, что не сможет повредить пациенту. Не будь вы из полиции, я бы, скорее всего, даже не стал с вами говорить.

— Хорошо... Мы очертили границы дозволенного. Скажите, доктор, как он?

— Он... — Гиз задумался. — Примерно месяц назад я бы дал вам более чёткий ответ.

— За этот месяц что-то изменилось?

— Да. Лестрейд стал... другим.

— Что это значит? — удивился полицейский. — Он что — теперь нормальный?

— У этого термина довольно широкое и абстрактное толкование, но я догадываюсь, к чему вы клоните, — хмыкнул врач. — Опираясь на общее представление, Лестрейд — нормальнее нас с вами вместе взятых.

— Серьёзно?

Гиз кивнул.

— У меня большой опыт работы. Но я ещё не наблюдал столь резких перемен в человеке.

— Чем же были вызваны столь разительные перемены?

— Где-то с месяц назад у Лестрейда случился приступ. Он оказался на грани между жизнью и смертью, причём в какой-то момент мне казалось, что к смерти гораздо ближе. И, что хуже всего, по вине больницы...

Беллинг удивился.

— Вы спокойно говорите об этом мне — постороннему для вас человеку? Да ещё и полицейскому...

— Мне нечего скрывать. Я — джентльмен. Я всегда пытаюсь быть честным перед собой и людьми. Честь мундира и больницы не стоят человеческой жизни. Один из наших санитаров перепутал лекарства... — голос Гиза понизился. — Лекарство по ошибке дали Лестрейду. Произошёл приступ. Лестрейд выкарабкался, но...

— Но?

— Потерял память.

— Ужас!

— В этом как раз нет ничего удивительного. Такое бывает. Его словно отбросило на много лет назад, в детство... Он многое забыл и порой удивлялся самым элементарным вещам. Как будто его личность стёрло...

— Вы меня пугаете, доктор...

— Могу предложить успокоительное?

— Только не из рук того санитаря, который перепутал лекарство, — хмыкнул Беллинг.

Лицо Гиза стало серьёзным.

— Этот человек у нас больше не работает.

— Слава богу.

— И нашему директору... Но вернёмся к господину Лестрейду. Со временем всё прошло, и он резко пошёл на поправку. Мне было бы лестно полагать, что всему виной выбранный курс лечения... Но... почему-то кажется, это не так, — взгляд доктора стал грустным. — Иной раз при общении с Лестрейдом я решительно не понимаю, кто из нас пациент, а кто — врач... Его речи полны здравого смысла, мысли порой вызывают восхищение смелостью, поступки — обдуманностью. В последние недели он много и запойно читает.

— Книги?

— Газеты. Причём его интересует всё: от «Таймс» до «Панча». И ещё немаловажная деталь: у него вдруг прорезалось любопытство. Порой он задаёт такие странные вопросы, что я диву даюсь — откуда это в нём? И зачем?

— Наверное, затем, что всё это может ему пригодиться на его новом месте службы — в Скотланд-Ярде. Господина Лестрейда придётся выписать, причём максимально быстро.

— Что значит — максимально быстро?

— Сегодня, — твёрдо объявил Беллинг. — У меня с собой все необходимые бумаги.

*10 декабря 2024 года, Санкт-Петербург
(Россия)*

Тёплый свет пятирожковой люстры озарил маленькую комнату, обставленную по-спартански: здесь не было даже телевизора, почти всё пространство вместо него занимали книжные шкафы.

Диван-раскладушка, покрытый уютным клетчатым пледом, который дед называл «шотландским», письменный стол, за ним он много и часто работал. Даже сейчас на столе лежал разобранный дверной замок и какие-то непонятные запчасти.

После выхода на пенсию дед постоянно что-то мастерил, переделывая и подстраивая вещи под себя.

Та же настольная лампа — типичный представитель Made in China — его стараниями, может, и приобрела вид крайне «колхозный», зато теперь была способна служить веками. Знай только меняй лампочки.

— Знаешь, мне будет его не хватать, — грустно произнесла Ольга, красивая женщина тридцати лет.

Она была матерью троих детей, но при этом сохранила изящную девичью фигуру.

— Мне тоже будет не хватать Максима Ивановича, — кивнул её муж. — Сама понимаешь — таких больше не делают. Кремень был, а не мужик! В главке о нём до сих пор легенды слагают. Кстати, Оль... меня просили принести его фотографию для музея полиции... Ты не против — если я возьму эту?

Он показал на висевшее на стене выцветшее фото, на котором широко улыбался Максим Иванович Орлов, её дед... вернее, дедушка, в далёком прошлом ветеран войны, генерал-майор милиции, затем почётный пенсионер и прочая, прочая, прочая, а для неё... пожалуй, самый любимый человек на свете. После мужа...

— Конечно. Он тут здорово получился, — кивнула она. — Молодой, красивый, хоть и постарше тебя.

— Сколько ему тогда было?

— Сорок пять... Как раз полковника дали.

— С ума сойти — полвека прошло, — покачал головой муж.

— Больше. Пятьдесят шесть лет, — поправила Ольга. — Дед всегда мечтал прожить больше века. И у него получилось. А теперь его нет уже целых сорок дней... И мне очень грустно.

Она сняла со стены фотографию, погладила и прижала к груди.

— Эх, дедушка-дедушка! Ну почему ты не загадал себе ещё столько же лет жизни...

— Считаешь, от него это зависело?

— От дедушки? — удивилась она. — Конечно... Он всегда держал слово.

Муж внимательно посмотрел на Ольгу.

— А ты очень похожа на него. И не только внешне.

— Знаю, — улыбнулась она. — И очень этим горда.